

Вера СЫТНИК

Родилась в Комсомольске-на-Амуре. Филолог по образованию, окончила Омский государственный университет. Работала музыкальным руководителем в детском саду, корреспондентом районной газеты, преподавателем мировой художественной культуры, русского языка и литературы. С 2006 по 2019 год проживала в Китае, где преподавала русский язык.

Автор двадцати книг для детей и взрослых, участница коллективных сборников, альманахов. Публиковалась в журналах «Нижний Новгород», «Берега», «Южная звезда», «Сура», «Новая скала», «ЛитОгранка», «Православная радуга» и других. Лауреат ряда литературных конкурсов, обладатель специального приза от издательского дома РПЦ на Международном славянском форуме «Золотой Витязь» (2018) в номинации «Дорога к храму».

Живет в Ессентуках, Ставропольский край.

ЧАЙКА. С РЕВОЛЮЦИЕЙ ПОЛЁТ

*Лишь ты, на славу сбитая боями,
Вся сжатым залпом прелести рвалась.
Не ведай жизнь, что значит обаянье,
Ты ей прямой ответ не в бровь, а в глаз.*

Б. Пастернак «Памяти Рейснер»

Имя Лариса в переводе означает «чайка».

Есть люди, которые воплощают в себе приметы конкретного времени столь ярко и точно, что, глядя на них, даёшься диву, настолько они суть истории страны. Словно некий скульптор вылепил их из подручного материала, произведённого на данной почве и в данный момент. Будто собрал острые приметы общественного строя, подмешал к ним нравственные устои, главенствующие в тот период, и наградил этим добром индивидуумов, которые могли бы сказать про себя, что они – герои своего времени.

Индивидуумы в качестве выразителей исторического момента могут быть невзрачными, как и само время, а могут являть собой яркие характеры, если им выпало жить в переломные моменты истории, когда всё вокруг дымится и взрывается. Они, как искры огромного костра, устремляются вверх, туда, куда зовут их пламенеющие сердца, и сгорают, не выдержав жара породившего их огня. Такой была Лариса Рейснер. Она – не искра, а огонь! Символ Социалистической революции 1917 года.

Писать о Рейснер было легко в годы советской власти, ибо Лариса, во всём совпадающая с идеалами революции, воспринималась как яростная участница яростных событий. Она остаётся такой и сейчас,

но изменились обстоятельства и критерии оценки того времени. Сместились акценты в спорах о революции, которая оценивается сейчас не так однозначно. Мы уже не столь доверчивы, чтобы не видеть за её патетическим фасадом намёки на разлом в фундаменте нового строя. Разлом, который через семьдесят с небольшим лет приведёт к распаду великой державы.

Закономерно, что герои социалистической революции потеряли в глазах наших современников те пафосно-монументальные черты, что были приписаны им советской властью. Ветры истории сдули с них шелуху, под которой скрывались обычные люди, впитавшие в себя приметы своего времени. Лариса Рейснер видится мне не рьяной революционеркой, вдохновляющей матросов на бой, а холерической, в меру эксцентричной, отчаянно эгоистичной и чрезвычайно романтической натурой, отягощённой манией величия и любовью к роскоши. Такие натуры в любое время находят для себя приключения и во всём видят объект для испытания своего неуёмного характера.

Почему я назвала Ларису Рейснер символом революции, в то время как мы привыкли, что таковыми являются крейсер «Аврора», красноармеец или, на худой конец, «Рабочий и колхозница»? А всё потому, что жизнь Ларисы прошла стремительно и была сравнима с бушующим морем, выбрасывающим на песок останки взорванного общественно-политического строя. Останки – в виде раскуроченного внутри Эрмитажа и разобранных на булыжники мостовых.

Весь её образ – в кожанке ли с кобурой на поясе или в роскошном платье, добытом на царской яхте, – ассоциируется у меня с образом молодой революции, которая ярко вспыхнула и бурей прошла по стране, вырвав деревья с корнями, повредив тем самым землю и создав предпосылки для разлома, о котором я писала выше. Затем быстро затихла и растворилась в небытии... Ведь что такое 70 лет (возраст советской власти) для истории? Даже меньше, чем мгновение! Так и жизнь Ларисы Рейснер – мгновение. Только мгновение гораздо меньшее, чем судьба обычно одаривает человека.

Я гляжу на фотографию Ларисы Рейснер и думаю о том, что короткая жизнь этой удивительной женщины может служить иллюстрацией к самой революции. Её, Ларисины, многочисленные участия в боях, выступления перед матросами, разграбление царской яхты «Межень», которую её муж Фёдор Раскольников превратил в плавучий штаб и с которой она уносила женские наряды, а потом блистала в них перед матросами же, её бесконечные поездки по стране и странам, германские баррикады и страстные, полные вдохновения публикации в газете «Известия» – всё это штрихи к портрету не только самой Ларисы, но и к портрету социалистической революции.

В Ларисе было всё, что характерно для любой революции: дерзость мысли и поступков, смелость намерений и следование лозунгам, фанатичное упрямство, грубое хулиганство и жестокость, смешанная с романтикой переломного момента, когда впереди, сквозь дым пожарища, брезжит светлое будущее, о котором ни у кого не было чёткого представления. Романтика бури, романтика очистительной грозы, романтика перемен захлестнули Ларису Рейснер, и она, не задумываясь, отдалась революции, получая взамен жизнь, полную шика и приключений, пусть иногда опасных, но зато безумно интересных.

Гляжу на фотографию и за тонкими, выразительными чертами Ларисино лица вижу надменность, привитую ей в детстве, неистребимое

тайное кокетство, желание нравиться и повелевать. В этом она схожа с революцией, которая, несомненно, была надменна в отношении всего, что противоречило её взглядам; была кокетлива, если учесть её умение привлекать на свою сторону людей; желала всем нравиться и всеми повелевать. Лариса и революция – две подружки, в итоге сгоревшие в собственном пламени. Революция, породив новый общественный строй, просуществовала дольше. И погибла. Стаканом инфицированного молока, погубившим Ларису, для революции оказалась жадность партийной верхушки, настолько оторвавшейся от народа, что перестала видеть, как этот самый народ живёт. То, за что боролась Рейснер, превратилось со временем в пшик.

Жизнь Ларисы Рейснер оказалась короткой: она прожила тридцать лет и скончалась в 1926 году от брюшного тифа, выпив стакан сырого молока. Но историки и литературные критики до сих пор обсуждают её внешность, броскую, яркую; её поведение, отличавшееся мужскими, порой жестокими повадками; и её творческое, в основном журналистское, наследие, о котором говорят, что это новая ступень в литературе. Её обвиняли в акмеизме, в излишней цветистости художественного стиля, в чрезвычайной предметности и чёткости образов. Обвиняли вчерашние символисты да влюблённые в символизм люди, привыкшие к изящной недосказанности и изысканной туманности в текстах. Хотя на самом деле, как это видится сегодня, публицистическая проза Ларисы Рейснер – не что иное, как ступень к реализму. И даже сам реализм, только, может быть, не обострённый в социальном плане.

Пылкость Ларисиной публицистики свидетельствует о большом художественном таланте, выраженном в умении видеть значительное в незначительном и замечать говорящие мелочи. Кроме того, Лариса обладала прекрасным чувством языка, безупречно владела ритмом в прозе и так умела выделять главное в своих текстах, что читателю бывало трудно оторваться от них. Она не кривила душой, когда писала о рабочих, о нищих, о меньшевиках, о большевиках и о многом другом, на что обращался её заинтересованный взгляд. Взгляд неравнодушного человека.

Откуда же явилась миру эта восхитительная дива, сумевшая в своё время очаровать таких ярких представителей литературы и политиков, как Николай Гумилёв и Лев Троцкий, Фёдор Раскольников и Карл Радек, и ставшая прообразом женщины-комиссара в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского? Писатель видел команду корабля, которую своими речами вдохновляла Рейснер. Его тогда поразило, что Лариса и на корабле оставалась женщиной с присущей ей шармом. Борис Пастернак, считавший её «воплощённым обаянием», назвал в память о Рейснер главную героиню своего романа «Доктор Живаго» Ларой, Ларисой... Кто же она? Откуда и когда вошла в революцию и о чём писала в своих очерках, о которых позже стали говорить, что это новое слово в журналистике?

Родилась Лариса 1 мая 1895 года в семье профессора права Михаила Андреевича Рейснера в Польше (Люблин). Мать, Екатерина Александровна Хитрово, была из старинного, знатного дворянского рода. С детства прививала дочери чувство исключительности. Вадим Андреев, сын писателя Леонида Андреева, вспоминал: «Гордость шла Рейснерам, как мушкетерам Александра Дюма плащ и шпага». Раннее детство Ларисы пришлось на город Томск, где Михаил Андреевич преподавал

в университете. В Томске родился младший брат Ларисы – Игорь, впоследствии ставший известным востоковедом.

После Томска семья недолго жила в Германии, во Франции. Профессор Рейснер имел демократические взгляды. В его доме собирались русские, французские и немецкие социал-демократы. Даже Ленин, будущий вождь революции, состоял с ним в переписке. В 1906 году осели в Петербурге. Здесь Лариса окончила женскую гимназию и поступила в Психоневрологический институт – в 1912 году. Училась и одновременно слушала лекции по истории политических учений.

С детства привыкшая к разговорам о социал-демократии, впитавшая в себя дух грядущей революции, о которой в семье говорилось открыто и громко, Лариса к семнадцати годам была политически образованна и красива внешне. Вадим Андреев писал:

Ее темные волосы, закрученные раковинами на ушах, серо-зеленые огромные глаза, белые, прозрачные руки, особенно руки, легкие, белыми бабочками взлетающие к волосам... Когда она проходила по улицам, казалось, что она несет свою красоту, как факел... Не было ни одного мужчины, который прошел бы мимо, не заметив ее, и каждый третий... смотрел вслед.

В 1914–1915 годах Лариса и её отец выпускали журнал «Рудин». Налёт революционности и декаденства лежал на его страницах. Журнал был призван «клеить бичом сатиры и памфлета все безобразие русской жизни, где бы оно ни находилось». Лариса под разными псевдонимами писала стихи, статьи и очерки. Проявила недюжинные организаторские способности: искала средства, вела переговоры с типографией, искала и закупала бумагу. Александр Блок назвал журнал «грязным, но острым». Через полтора года «Рудин» был запрещён цензурой. Однако Лариса уже успела заявить о себе в литературных кругах. И не только своими текстами. В фантастических декадентских нарядах, с синей помадой на губах, она привлекала внимание окружающих – запоминалась надолго.

Осенью 1916 года познакомилась с поэтом Николаем Гумилёвым. Случился роман, закончившийся тем, что поэт бросил Ларису, нанеся ей душевную рану, печать которой Лариса ощущала всю жизнь. Революцию семья Рейснеров встретила восторженно. Сразу после переворота Лариса работала под руководством наркома просвещения Луначарского: отвечала за охрану сокровищ Зимнего дворца и была корреспондентом газеты «Известия». В ноябре 1917 года повстречала Фёдора Раскольникова, одного из виднейших деятелей большевистской партии. Вспыхнула страсть. Они поженились. В 1918 году Раскольникова отправили на Восточный фронт, с ним поехала и Лариса. Там познакомилась со Львом Троцким, позже писавшем о Ларисе: «Внешность олимпийской богини, ее иронический ум сочетался с мужеством воина». Она очаровывала всех, с кем заводила знакомство!

В 1918 году Рейснер вступила в ВКП(б) и была назначена на пост комиссара Генерального штаба ВМФ страны. Сражалась наравне с моряками. В России бушевала Гражданская война. В середине 1920 года супруги, Лариса и Фёдор, из Москвы переехали в Петроград. Раскольников стал командующим Балтфлотом, а Лариса – комиссаром. На Балтийском море шли сражения с британскими кораблями, присланными на подмогу белогвардейцам. В 1920 году по приказу Льва Троцкого Лариса заняла руководящую должность в Политуправлении Балтийского флота. Дерзкая, вызывающе красивая, Рейснер надела на себя шитую

по фигуре солдатскую шинель и стала командовать сотнями матросов, но от роскоши отказываться не собиралась.

Ещё в Москве она взяла за привычку ни в чём себе не отказывать. Надежда Яковлевна Мандельштам, жена поэта, писала:

О. М. рассказывал, что Раскольников с Ларисой жили в голодной Москве по-настоящему роскошно – особняк, слуги, великолепно сервированный стол... Своему образу жизни Лариса с мужем нашли соответствующее оправдание: мы строим новое государство, мы нужны, наша деятельность – созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достаётся людям, стоящим у власти. Лариса опередила свое время и с самого начала научилась бороться с еще не отмененной уравниловкой.

В 1921 году Лариса Рейснер отправилась в Афганистан: её мужа, Фёдора Раскольникова, назначили полпредом РСФСР в Кабуле. Пробыла она там недолго, уехала, объявив супругу, что бросает его. Вскоре познакомилась с известным революционером, видным деятелем Коминтерна Карлом Радеком, человеком заурядной внешности, но чрезвычайно образованным, знавшим несколько языков, искусство и литературу. Остроумный, циничный, он был автором множества политических анекдотов. Вместе они уехали в 1923 году в Германию помогать германской революции и освещать её в прессе. Революция провалилась. После поездки в Гамбург Рейснер рассталась с Радеком и умчалась в Донбасс. Затем почти весь 1924 год ездила по России, посещала заводы, шахты. Вернувшись из одной командировки, ехала в другую.

В 1925 году выходит очередная книга Рейснер «Портреты декабристов». Лариса работает разъездным корреспондентом «Известий» и полна творческих планов: собирается в длительную командировку в Париж. Но в феврале 1926 года случился тот злополучный стакан молока, после которого Ларисы Рейснер не стало.

Смотрю на портрет, где Лариса в капоре и с муфтой, и думаю, чем она заслужила наше внимание к ней? Столько лет прошло... И сама же даю ответ: природной красотой, дерзкой экстравагантностью. И тем, что оставила литературное наследие, у которого не грех поучиться. Да, именно поучиться, ибо в наше время, ещё только ищущее общенациональную идею, так мало крепкой публицистики, которая бы очертила путь, по которому движется страна.

В том же, о чём писала Лариса, был виден путь страны. Речь с моей стороны не о социализме, который оказался слишком слаб, чтобы не допустить развала страны. Речь о взгляде писателя-публициста, кем являлась Лариса, на современность. На её умение запечатлеть эту современность на бумаге. Да, в её текстах нет суровости, нет агрессивности, казалось бы, присущих революции, но есть ум, глубина и изящество.

Лариса Рейснер начала писать в девятнадцать лет, когда вместе с отцом выпускала журнал «Рудин». Начала с публицистики, ставшей для неё любимым жанром. Удивляет, что в столь молодом возрасте она прекрасно ориентировалась в политической обстановке, в литературных течениях и отваживалась писать о Шекспире, Гумилёве, Блоке, Северяnine, Маяковском. Отлично разбиралась в символизме и акмеизме. Её слог, ровный и меткий, словно стрела, видящая цель, отлично гармонировал с содержанием. Так, в статье «Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому» Рейснер в сдержанном тоне даёт потрясающую характеристику трём поэтам, столь же разным по стилю, как и по характеру.

Начиная с Блока, Лариса замечает, с первых же строк ухватывая суть его поэзии:

Александр Блок... Всегда большой и незабываемый, даже в пошлых образах, даже в поблекшей теме, он бесшумно переступил черту временного и ничтожного. Его влияние громадно, как влияние абстрактной идеи, тончайшей математической формулы. Из сумерек социального упадка он вынес цветок мистической поэзии, бледный, но благоухающий, и в этом его величайшая заслуга. Но подражать Ал. Блоку, его полутонам, его лирике, выросшей без света и воздуха, его любви, затерянной в сером, холодном небе, – невозможно и бесполезно. Как всякое завершение – Блок неповторим.

Далее следует такая же конкретная, на грани жёсткости, характеристика Северянина и Маяковского, отражающая индивидуальное восприятие Ларисой этих поэтов. Игоря Северянина она называет «талантливым лейб-революционером современного искусства». О Маяковском пишет, что «Камень, железо и асфальт гнутся и стонут в стихах Маяковского. Через толщу тротуаров, из-под каменных гор приходит его гнев, его месть, его жажда освобождения».

Лариса пробовала себя в стихах – в ранней молодости. Сонет, посвящённый Рудину, тургеневскому герою-революционеру, открывал первый номер журнала «Рудин»: «Всегда один, смешон и безрассуден, на баррикадах умер Рудин». Однако стихи ей не давались: в них преобладала манерность... Зинаида Гиппиус, услышав, как она читает стихи, припечатала: «С претензиями; слабо». Но и в поэзии у Ларисы случались строки, обворожительно-возвышенные, говорящие о тяге Рейснер к лиричности и зовущие к природе. Стихотворение «Дождь после засухи» (1916) полно очарования и метафор:

И вслед водоносной разорванной туче
Понес утолненных лесов славословье
Туда, где рождается ливень певучий,
Где солнце находит свое изголовье...

Оставив стихи пылкой юности, Рейснер сосредоточилась на прозе, где её критический взгляд нашёл благодатное поле для самовыражения. Будучи активной участницей Гражданской войны, в реальности познакомившись с Германией, Донбассом, Лариса Рейснер запечатлела свой опыт в книгах очерков: «Фронт», «Афганистан», «Гамбург на баррикадах», «Уголь, железо и живые люди», «Берлин в октябре 1923 года», «В стране Гиндербурга» и в других отдельных публикациях.

Её публицистика – на грани с художественным рассказом. В 1918 году она отправилась в захваченную белогвардейцами Казань, о чём позже написала в очерке «Казань». Хотела узнать о судьбе красногвардейцев, не успевших покинуть город. В действительности же – найти мужа, о котором пришла телеграмма, что Раскольников взят в плен. «Дня два продолжались мои визиты на Грузинскую (штаб белых на ул. Грузинской); от нескольких секретарей и дежурных удалось окончательно узнать список расстрелянных и бежавших друзей», – писала Рейснер. Вскоре она была арестована белыми, но самым чудесным образом смогла сбежать.

Очерк весьма динамичен и богат событиями. Описание отступления в числе других беженцев в Свияжск и затем резкого поворота на Казань даются в контексте времени и места. Перед нами Россия периода Гражданской войны: разбитые, размытые ливнем дороги и бед-

ный растрёпанный люд, убегающий от опасности. Рисуя неприглядную картину города и деревенской жизни, Рейснер то и дело отвлекается на пейзаж, который существует не сам по себе, а в тесной связи с творящейся историей:

Летний дождик превратился в ливень, поля почернели и стали нескончаемо тяжелыми. Набухшая синяя туча повисла над Казанью, теперь уже взятой. Орудийный гром притих, и в грозовом небе бесшумно запылали зарева пожаров и далекие зарницы. Вороны скучной стаей потянулись в предместья.

Лиричность стиля Рейснер, цепкость взгляда и объективность повествования особенно проявились в книге «Афганистан». Очерк «Туркестан» начинается словами, невообразимо тонко передающими ощущение страны:

Между совершенно плоским небом и плоской землей – дым, уходящий в ничто. Белый лунный свет на мертвых полях, озера и холмы нетающего снега и замурованная тишина на протяжении сотен верст. Дороги, опустошенные копытами Тимура, сожженные зноем и стужей; пустыни, которые не спят и не грезят: они не существуют.

Наряду с этим – грозное описание жизни военных (очерк «Плац-парад»):

Армия воспитывается в жесточайшем религиозном фанатизме. За нарушение поста, за глоток воды и корку хлеба, проглоченную солдатом после томительного учения под тропическим солнцем, его подвергают позорному публичному наказанию. Виновный должен проехать через весь город верхом на осле, лицом к хвосту, причем народ и конвоиры подвергают его побоям, плюют в лицо, поносят самыми отборными ругательствами. Во время 30-дневного поста солдаты и вообще трудовое население пьяно от голода, жажды и жары.

Гляжу на фотографию Ларисы Рейснер... и вижу чайку, широко и смело парящую в революционных вихрях. Иногда ныряющую в самую пучину истории и подбитую на самом взлёте...